

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.8

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-65-73

В. И. Селиверстов*

ИСПРАВИТЕЛЬНАЯ ДОКТРИНА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛОЖЕНИЕ ЛИЦ, ОСВОБОЖДЕННЫХ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Статья посвящена проблемам исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы. Анализируются исправительная доктрина Российского государства, проявляющаяся в постановке и реализации цели исправления осужденных, и ее влияние на положение лиц, освобождаемых от отбывания наказания. На основании международных стандартов и национального законодательства определяется приоритет данной цели перед другими целями наказания и уголовно-исполнительного законодательства. Рассматриваются отдельные элементы механизма цели достижения исправления осужденных, а также различные варианты учета рецидива после отбывания лишения свободы. Вносится предложение о воссоздании существовавшей в СССР системы статистического учета постпенитенциарного рецидива, даются его основные этапы. Делается вывод о сохранении социально-политического значения цели исправления осужденных на современном этапе развития государства и сохранении ее закрепления в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве России.

Ключевые слова: осужденный, уголовное наказание, цели наказания, лишение свободы, рецидив, освобождение от наказания, исправление осужденных, уголовно-исполнительное законодательство, уголовно-исполнительная система.

Актуальная тематика разрабатывается кафедрой уголовного права юридического факультета Самарского госуниверситета в рамках гранта, полученного на развитие институтов гражданского общества. «Лица, отбывшие наказание и освобожденные от него: рецидивисты, получатели услуг или сограждане». Действительно. Кто они? Данный вопрос особенно актуален применительно к лишенным свободы, именно к этой категории бывших осужденных зачастую обращены критические стрелы политиков, представителей науки, практических работников, правозащитников и т. п.

Если будущие рецидивисты, то, может быть, ввести по типу ФРГ бессрочное лишение свободы, постоянно продляя им в рамках административных процедур содержание в местах лишения свободы. Причем принимая такое решение не на основании совершения нового преступления, а на основании предполагаемой общественной опасности их личности, которая может привести к рецидивному преступлению.

Получатели услуг? Тоже не лишено оснований, поскольку вся правоохранительная деятельность

вовне может рассматриваться в качестве сферы социальных услуг, оказываемых населению. Данная точка зрения, основанная на теории социального управления, была наиболее популярна в начале XXI века. В настоящее время она актуализировалась по отношению к осужденным, отбывшим уголовное наказание в виде лишения свободы, в связи с появившимися на бытовом уровне взглядами на меры социальной поддержки бывших осужденных как на нечто положенное, заработанное тяжелыми условиями отбывания уголовного наказания.

Сограждане? А почему бы и нет, применительно к гражданам Российской Федерации. С юридической точки зрения их никто не лишил и не может лишить гражданства нашей страны. Согласно ст. 10 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) отличительной чертой специального правового статуса осужденных является то, что он базируется на общем правовом статусе граждан, так как осуждение лица к уголовному наказанию не влечет лишения гражданства России и, соответственно, общего правового статуса граждан нашей страны. В статье 6

* © Селиверстов В. И., 2018

Селиверстов Вячеслав Иванович (vis_home@list.ru), кафедра уголовного права и криминологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 119992, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1, корп. 13.

Конституции РФ указывается на то, что гражданин РФ не может быть лишен своего гражданства или права изменить его. Исходя из этого, в Федеральном законе от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» не предусмотрено лишения гражданства по мотивам осуждения к уголовному наказанию. Более того, согласно ст. 20 названного акта, отбывание уголовного наказания служит препятствием для выхода из гражданства РФ по желанию осужденного.

С позиций бытового мировоззрения, относить их к согражданам или нет – дело каждого гражданина в соответствии с его нравственными установками и убеждениями.

Для более детального рассмотрения поставленной проблемы необходимо ответить на два принципиальных вопроса. Первый заключается в четком определении того состояния осужденного, которое общество и государство *желает получить* на выходе из исправительных учреждений. Второй вопрос связан с выяснением того состояния осужденного, которое общество и государство *фактически получает* на выходе из исправительных учреждений. Попытаемся последовательно на них ответить.

В части 2 ст. 43 УК РФ в качестве целей уголовного наказания закреплены восстановление социальной справедливости, а также исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Восстановление социальной справедливости как цель, которая определяет соразмерность преступления и наказания, стоит на первом месте.

В части 1 ст. 1 УИК РФ законодатель установил, что уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Таким образом, перед уголовно-исполнительным законодательством цель восстановления социальной справедливости уже не стоит, поскольку она уже достигнута при назначении вида и размера уголовного наказания. На первое место выходит цель исправления осужденных, причем речь идет о нравственном исправлении как наиболее труднодостижимом, но качественном результате. Законодатель как бы ориентирует на стадии исполнения (отбывания) наказания на обращение с осужденным, которое в меньшей степени зависит от ретроспективы (учета вида и тяжести совершенного преступления), а в большей степени – на обращение, в основе которого лежат оценки настоящего и будущего поведения осужденного. Свидетельством этому является то, что в соответствии с нормами УИК РФ лицо, совершившее особо тяжкое преступление, по истечении определенного срока в зависимости от своего поведения может оказаться в более льготных условиях отбывания наказания в виде лишения свободы,

например в колонии-поселении, а другое лицо, совершившее преступление небольшой тяжести, – в более суровых условиях, в том числе и в тюрьме.

В соответствии с приматом цели исправления осужденных построена Общая и Особенная части УИК РФ. В Общей части УИК РФ закреплены принципы уголовно-исполнительного законодательства, основные средства исправления осужденных, их правовое положение. Все это основано на прогрессивных идеях развития исполнения уголовных наказаний и обращения с осужденными. Этими идеями пронизаны нормы Особенной части УИК РФ, включая исполнение лишения свободы. Последние изменения уголовно-исполнительного законодательства подтверждают ориентацию законодателя на приоритет цели исправления осужденных.

На приоритет цели исправления осужденных указывают и международные стандарты. Так, в части 3 ст. 10 Международного Пакта о гражданских и политических правах (ООН, 1967 год) установлено, что пенитенциарной системой предусматривается режим для заключенных, существенной целью которого является их исправление и социальное перевоспитание.

В Минимальных стандартных правилах ООН в отношении обращения с заключенными (Правилах Нельсона Манделы, 2015 год) рекомендуется тюремной администрации и компетентным органам предоставлять надлежащие и имеющиеся возможности для получения образования, профессиональной подготовки и работы, а также другие виды помощи, в том числе исправительного, морального, духовного, социального, медицинского и спортивного характера. Все такие программы, мероприятия и услуги должны осуществляться с учетом индивидуальных потребностей перевоспитания заключенных.

Об этом свидетельствует и практика Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Так, ЕСПЧ неоднократно отмечал общую эволюцию европейской уголовно-правовой политики в направлении роста относительной важности воспитательной цели лишения свободы, особенно к концу длительного лишения свободы, а также указывал, что упор на исправление и реинтеграцию стал обязательным фактором, который должен приниматься во внимание государствами-участниками при разработке своей уголовно-правовой политики [1].

Аналогичной позиции придерживается и Конституционный Суд Российской Федерации, который даже применительно к пожизненному лишению свободы констатировал наличие «обязанности федерального законодателя учитывать при определении ограничений, составляющих сущность такого наказания, необходимость достижения всех целей наказания, которыми в соответствии с частью второй статьи 43 УК Российской

Федерации являются не только восстановление социальной справедливости и предупреждение совершения новых преступлений, но и исправление осужденного» [2].

Имеющиеся в науке позиции о замене цели исправления осужденных на цели социализации (ре-социализации) личности осужденного, интеграции (реинтеграции) в общество, адаптации (реадаптации) к условиям жизни на свободе не имеют прочной научной основы. Они нередко не учитывают того, что в ч. 1 ст. 1 УИК РФ закреплена общая для всех уголовных наказаний цель, а предлагаемые модные иностранные аналоги применимы лишь к наказаниям, связанным с изоляцией осужденного от общества.

Не являются убедительными и ссылки на законодательство отдельных зарубежных государств, где цель исправления отсутствует. Во-первых, в противовес можно привести немалое число государств, где данная цель декларируется в законодательстве. Во-вторых, нередко цель законодательства подменяется целями уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы или исправительных учреждений, что не вполне корректно с позиций научного исследования [3, с. 15].

Таким образом, ни с позиций международных актов в области прав человека, ни с позиций Конституции Российской Федерации, подтвержденных решениями международных и национальных судебных органов цель исправления осужденных не подвергается сомнению. Наоборот, ее игнорирование в решениях законодателя нередко становится основанием для признания оспариваемых положений закона неконституционными и нарушающими основные права и свободы человека.

Не так сложно ответить и на второй вопрос, однако в этом случае речь пойдет о целях, стоящих перед уголовно-исполнительной системой. Именно она определяет, в каком фактическом состоянии получит общество и государство осужденного на выходе из исправительных учреждений. При определенной политической линии законодателя на достижение цели исправления осужденных фактическое положение дел отличается от декларируемых идеалов.

Еще дореволюционные русские криминалисты отмечали ограниченные исправительные возможности наказания в целом, особенно когда речь шла о нравственном, а не юридическом исправлении [4, с. 903–906]. Тем более наказание в виде лишения свободы не приспособлено для выполнения исправительной миссии. Ставя перед наказанием цель нравственного совершенствования осужденного, его помещают в среду ему же подобных. Это диалектическое противоречие сопутствует наказанию в виде лишения свободы на протяжении всего периода зарождения, становления и развития пенитенциарных учреждений. Оно не изжито и по сей день.

По данному поводу очень убедительно высказался российский ученый Г. Ф. Хохряков: «Здравый смысл подсказывает, что задача по исправлению и перевоспитанию в условиях изоляции от общества недостижима... Действительно, ставя цель по приспособлению человека к жизни в обществе, его отделяют от этого общества; желая научить его полезному активному поведению, содержат в обстановке, где каждый шаг расписан, что вырабатывает пассивность; думая заменить в сознании человека вредные привычки полезными, его содержат среди себе подобных, что способствует взаимному заражению, и т. п.» [5, с. 66]. Аналогичные сомнения в целесообразности постановки перед наказанием цели исправления осужденных выражали С. В. Полубинская [6, с. 132–140], А. В. Усс [7, с. 29], И. Я. Козаченко [8, с. 72] и др.

Поддерживают эту позицию и в современной юридической литературе. Так, при обсуждении в 2016 году научно-теоретической модели Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса профессор В. И. Зубкова отметила, что цель исправления прописана декларативно и практически не срабатывает [9, с. 254]. Более определенно высказался профессор В. О. Белоносов, который в обоснование своей позиции отметил, что «по поводу исправления уже сформировавшейся личности народная мудрость гласит, что горбатого могила исправит, а почему у уголовно-исполнительной системы другая точка зрения?» [3, с. 15].

Отрицание исправительных возможностей лишения свободы как уголовного наказания присуще не только представителям науки уголовного и уголовно-исполнительного права, но и политикам. Медведев Д. А., будучи в этот период времени Президентом Российской Федерации, в интервью 28 ноября 2011 года применительно к исправительным учреждениям заявил следующее: «Я такую, может, сейчас скажу экстремистскую мысль, но я скажу. Они вообще никогда не работают на исправление. И дело не в том, что они у нас сами по себе не совсем высокого качества, мягко говоря. У нас действительно исправительно-трудовая система, она еще на 95 процентов советская. А вообще подобного рода наказания редко кого исправляют.

Именно поэтому за последние несколько лет я все-таки старался проводить несколько иную уголовную политику, когда суровым должно быть наказание за тяжкие и особо тяжкие преступления. Но в этом случае, когда мы осуждаем людей, расчет идет не на исправление, а, скажем честно, на их изоляцию от общества. На то, чтобы они не совершали преступлений, находясь в обычной среде. Что касается исправления, то эта конструкция может применяться только к тем, кто совершил нетяжкие преступления, а, как правило, преступления по неосторожности. Именно туда и должен быть обращен государственный взор» [10, с. 631].

Отдельные коллеги по научному цеху согласились с Д. А. Медведевым в том, что эта мысль для политика действительно экстремистская [11, с. 631]. На наш же взгляд, скорее всего, она является неудачной. Мысль не есть законченное суждение, в ней глава государства фактически делится своими сомнениями относительно политики государства по отношению к опасным преступникам. Только подчиненные ему лица уже сделали выводы из столь сомнительных рассуждений: в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (далее – Концепция) появилось деление на осужденных, способных и неспособных к ресоциализации, иначе говоря, к исправлению [12]. Для лиц, неспособных к ресоциализации (исправлению), по замыслу авторов Концепции, были предназначены тюрьмы со строгой изоляцией, а таких должно было быть почти 80 % из 448 тюрем, которые предполагалось открыть в ходе тюремной реформы 2010–2016 годов (именно такова доля в местах лишения свободы осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления). Для способных к ресоциализации – колонии-поселения с обычным и усиленным наблюдением. Впоследствии, а именно 23 сентября 2015 года, деление осужденных на указанные категории, а также не обеспеченный ресурсами фантастический перевод осужденных на тюремное содержание были исключены из приведенного выше концептуального документа [13].

Может быть, наше государство действительно стоит на пороге крутого поворота ранее проводившейся уголовной и уголовно-исполнительной политики? Поворота, основанного на полном или частичном отказе от цели исправления осужденных, на признании всех лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, «горбатыми» со всеми вытекающими из такого признания последствиями?

Не можем согласиться с таким поворотом по ряду оснований.

1. Представляется, что в основе отрицания исправительных возможностей лишения свободы как вида уголовного наказания, а соответственно, аналогичных возможностей самих исправительных учреждений лежит несколько идеалистическое представление о критериях достижения цели исправления осужденных. Еще в начале XX века известный русский тюремовец С. В. Познышев писал: «Что касается смысла слова “исправление”, то надо остерегаться преувеличивать его значение, говоря о тюрьме. Конечно, если под исправлением разуметь превращение порочного в высоконравственного, выдающегося человека, грубого невежественного вора с печатью закоренелого алкоголизма и праздности на лице – в нравственно изящного человека, которому даже противна мысль о получении чего-либо незаработанного, конечно, если придавать такой смысл слову “исправление”, то надо признать его недо-

стижимым в пенитенциарном учреждении» [14, с. 42].

Поэтому основным критерием достижения цели исправления может быть только правоопослушное поведение в аспекте соблюдения запрета на совершение преступлений. Показателем такого критерия является уровень постпенитенциарной рецидивной преступности, однако с определенной степенью условности, поскольку совершение рецидивных преступлений во многом определяется социальными условиями жизни после освобождения из исправительного учреждения.

2. Следует оценить еще одно представление о механизме достижения цели исправления осужденных. Почему-то нередко исправление осужденных связывают с проведением индивидуальных воспитательных мероприятий, а применение иных основных средств исправления относят к содержанию исполнения наказания. Поскольку же, как полагает автор, в исправительных учреждениях проводить индивидуальную воспитательную работу с осужденными некому: нет ни подготовленных кадров, ни ресурсного обеспечения, – то и цель исправления осужденных не может стоять перед этими учреждениями [3, с. 17].

Во-первых, исправление – это внутренний процесс переосмысления своих приоритетов и жизненных установок самим осужденным. Как отмечал С. В. Познышев, исправление в тюрьме «если и может наступить, то не в силу режима, а в силу глубоких, независимых от тюрьмы внутренних душевных движений человека» [14, с. 42]. А наказание в целом, уголовно-исполнительное законодательство и деятельность исправительных учреждений направлены на то, чтобы активизировать эти душевные движения. Именно для этого в нормах уголовно-исполнительного законодательства по своей сути закреплена исправительная модель исполнения лишения свободы, предусматривающая:

- сохранение социальных связей с семьей и иным позитивным окружением (посылки и передачи, свидания и телефонные разговоры, переписка и заключение брака, выезды за пределы исправительных учреждений и проживание за пределами исправительного учреждения);

- возможности (а нередко и обязанности) получить образование и профессию, приучиться к дисциплине и внутренней организованности;

- возможности расширить за счет воспитательных мероприятий различной направленности свой кругозор, обнаружить и развить внутренне дремлющие наклонности и увлечения;

- оказание помощи психологов в коррекции поведения, предоставление отдельных видов социальной помощи освобождаемым от уголовного наказания осужденным.

В этом отношении наказание в виде лишения свободы в единстве его карательного содержания

и основных средств исправления представляет собою, образно выражаясь, лекарство. Одним осужденным оно покажется горьким, другим – сладким. На одних оно окажет воздействие и приведет в действие душевные силы, на других – нет. Однако независимо от этого исправительная модель уголовно-исполнительного законодательства направлена на то, чтобы предоставить осужденному своеобразные «поплавки» (образование, профессию, сохраненные или восстановленные социальные связи и т. д.), уцепившись за которые осужденный сможет порвать с преступным прошлым.

Во-вторых, действительно и кадры не очень квалифицированные в исправительных учреждениях, и трудности есть в ресурсном обеспечении. Исполнение лишения свободы, как и иные сферы социальной политики и деятельности, подвержены влиянию экономических и политических, социальных и духовных факторов. Они динамично меняются: сегодня есть такие трудности, а завтра их нет. Будет ли обоснованным под эти трудности подстраивать стоящие перед наказанием и уголовно-исполнительным законодательством цели и отказываться от цели исправления осужденных?

На наш взгляд, нет, поскольку фактическое положение дел не может служить основанием для изменения целей законодательства. У нас и врачи нередко не могут вылечить больного – много молодых врачей, много больных с хроническими заболеваниями. Так давайте уберем цель излечения больных из уставов медицинских учреждений. Тогда и больницы переименуем в морги, а Министерство здравоохранения – в министерство захоронения. Цель исправления преступников, независимо от их категорий, должна стоять перед государством и обществом, это политическая цель, свидетельствующая о соответствии государства целям и принципам правового, социального и демократического государства. А то, что на практике встречаются трудности в достижении этой цели, то, что эта цель не достижима в полном объеме, так придется повторить прописную истину из науки управления: на то она и цель, чтобы являться на данном этапе развития недостижимой. Работать надо по выполнению поставленных целей и задач, а не подгонять их под свои возможности.

3. Для большинства специалистов, отрицающих необходимость постановки перед наказанием, уголовно-исполнительным законодательством и деятельностью исправительных учреждений цели исправления осужденных, главным аргументом является высокий официальный уровень рецидивной преступности после освобождения из мест лишения свободы. Причем, как зачастую указывают (нередко для того, чтобы показать актуальность проблемы рецидива), этот уровень постоянно возрастает и доходит аж до 90 %. Неизвестно, кого хотели напугать этими цифрами, но себя точно напугали. Дело в том, что статистически уровень

постепенитенциарной рецидивной преступности после освобождения от отбывания лишения свободы не измеряется и никакой официальной статистики по этому вопросу просто нет.

Система мониторинга рецидива преступлений после отбытия лишения свободы так и не введена в России, хотя она существовала в СССР. Поэтому вывод, что цель исправления не достигается в деятельности исправительных учреждений, сделан лишь на основе эмоций и приблизительных оценок. Отдельные региональные исследования постепенитенциарного рецидива проводятся российскими учеными. Последнее исследование осуществлял в 2011 году Юридический институт Томского государственного университета в Томской и Кемеровской областях. На основе достоверных данных о совершении освобожденными в течение трех лет повторных преступлений был зафиксирован рецидив после освобождения из исправительных колоний общего режима – 55,0 %, а из колоний строгого режима – 29,6 %. Общий постепенитенциарный рецидив при освобождении из этих двух видов исправительных учреждений составил 35,0 % [15, с. 8–9].

Откуда же берутся показатели рецидива, на которые нередко ссылаются исследователи? Они учитываются на трех последовательных стадиях правоохранительной деятельности: во время предварительного расследования, судебного разбирательства и отбывания наказания в виде лишения свободы.

Так, по данным МВД России о состоянии преступности, каждое второе расследованное преступление совершается лицами, ранее совершавшими преступления: 49,6 % – в 2013 г., 53,7 % – в 2014 г., 55,1 % – в 2015 г. и 54 % – в 2016 году [16, с. 42]. Однако эти показатели не характеризуют эффективность лишения свободы и достижение цели исправления осужденных, поскольку учитывается рецидив после применения наказаний без изоляции от общества и иных мер уголовно-правового характера, например условного осуждения.

Нередко ссылаются на данные судебной статистики, которые также демонстрируют рост среди осужденных за отдельные виды совершенных преступлений доли лиц, ранее отбывавших лишение свободы. Однако и этот показатель подвержен колебаниям из-за сокращения по различным причинам доли лиц, впервые осуждаемых к лишению свободы.

Между тем с 2015 года появились статистические данные, отражающие долю лиц, ранее осуждавшихся за совершение преступлений, в общем количестве лиц, осужденных на основании обвинительных приговоров, вступивших в законную силу, в процентах [17]. При этом следует учесть, что учитываются лица, ранее осуждавшиеся не только к лишению свободы, но и наказаниям без изоляции от общества. Согласно полученным данным, этот показатель оказался равным:

2015 год
Россия – 32,7 %
Самарская область – 37,4 %
2016 год
Россия – 30,9 %
Самарская область – 35,7 %
2017 год
Россия – 33,2 %
Самарская область – 40,1 %

Конечно, нужно учитывать возможности определенных погрешностей в данной статистике, поскольку она используется для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а каждый субъект Российской Федерации хочет выглядеть в лучшем свете. Так, как отмечают в своей статье Т. В. Кленова, Н. П. Шукина и О. А. Адоевская, по данным Управления судебного департамента в Самарской области, доля лиц, ранее осуждавшихся за совершение преступлений, в 2015 году составила 45 % [16, с. 42]. Между тем в федеральной статистике она составляет уже 37,4 %, что вызывает определенные сомнения в ее достоверности.

Здесь учитываются данные о доле лиц, ранее осуждавшихся к лишению свободы и отбывающих наказание в исправительных учреждениях. Их нередко выдают за постпенитенциарный рецидив, однако таковым он не является. Так, согласно статистическим данным ФСИН России, в исправительных колониях различных видов в 2017 году отбывали лишение свободы впервые 185718 (37,5%) осужденных, второй раз – 115 944 (23,4%) осужденных, третий и более – 193 487 (39,1%). Таким образом, доля рецидивистов в 2017 году среди осужденных в исправительных колониях составила 62,5 %, а в 2016 году она была 63,0 %, и в 2012 году – 63,0 % [18]. Однако, как видно, ничего пугающего в этих цифрах нет, они достаточно стабильны. Кроме того, приведенные показатели во многом зависят от тенденций в уголовной политике, изменений уголовного законодательства и судебной практики. Они характеризуют степень достижения цели исправления осужденных в местах лишения свободы, а сокращение привлечения к уголовной ответственности и осуждения к лишению свободы лиц, впервые совершивших преступления. В результате этого доля рецидивистов в местах лишения свободы достаточно высока.

Поэтому для представления о реальном положении дел с достижением цели исправления осужденных необходимо восстановление системы статистического учета постпенитенциарного рецидива. Напомним, что речь идет о статистическом учете доли лиц, совершивших преступления в течение трех лет после освобождения от отбывания лишения свободы. Ранее проведенными в советское время исследованиями установлено, что

большинство рецидивных преступлений совершается именно в течение трех лет после освобождения, причем второй год является наиболее рецидивоопасным. Впрочем, можно будет отследить и совершение преступлений в течение 5 лет, уровень современных компьютерных и иных технологий позволяет это сделать.

Без этих показателей невозможно говорить о неэффективности уголовно-исполнительной системы в целом и исправительных учреждений в частности. Все это актуализирует реализацию предложений о создании научно-теоретической модели учета постпенитенциарного рецидива с последующей ее апробацией и внедрением в систему статистического учета результатов борьбы с преступностью. Похожая система учета существовала в СССР, нет каких-либо значимых препятствий в том, чтобы эта система на новом уровне была разработана и внедрена в России. Аргументы об отсутствии материальных ресурсов для такой информационной системы, на наш взгляд, являются несерьезными, поскольку никто не рассчитывал данные затраты.

На втором этапе необходима научная разработка системы факторов, влияющих на постпенитенциарный рецидив, а также механизма их действия. В этой системе факторов можно было бы выделить тот вклад (негативный или позитивный), который вносит в рецидив система исполнения уголовных наказаний.

На третьем этапе следует разработать комплекс мер, направленных на усиление позитивных факторов, препятствующих увеличению постпенитенциарного рецидива, и ослабление факторов, провоцирующих его рост.

В итоге рассуждения о том, что «горбатого только могила исправит» хороши на кухне, где после обсуждения услышанных по телевизору криминальных новостей нередко люди делают вывод, что попавших в исправительные учреждения людей не исправить. Но эти рассуждения неприемлемы в профессиональном, тем более научном мышлении, поскольку они не основаны на достоверных научных данных. Такие рассуждения опасны в политике, в том числе в уголовной политике, вслед за ними неизбежно встанет вопрос, а что же делать с неисправимыми осужденными. Это в свое время и в разных странах подтолкнуло власти к простому решению проблемы людей, не вписывающихся в каноны установленного правопорядка. И наша страна имеет печальный негативный опыт разделения людей по различным социальным признакам и массового их отстрела в годы репрессий. Памятники с расстрельными списками в каждом регионе России и иных стран СНГ разве не напоминают об этом? Поэтому, прежде чем сделать в уголовной и уголовно-исполнительной политике такой крутой поворот и отказаться о цели исправления осужденных, необходимо крепко подумать о его последствиях.

Библиографический список

1. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства» (VinterandOthers v. UnitedKingdom), жалобы № 66069/09, 130/10 и 3896/10, § 111–116, ECHR 2013 (извлечения); Постановление Европейского Суда по делу «Харакчиев и Толумов против Болгарии» (HarakchievandTolumov v. Bulgaria), жалобы № 15018/11 и 61199/12, § 243–246, ECHR 2014 (извлечения); Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Диксон против Соединенного Королевства» (§ 75); Дело Хорошенко против Российской Федерации», жалоба № 41418/04 от 30 июня 2015 года. URL: <https://roseurosud.org/tr/st-8/postanovlenie-espch-khoroshenko-protiv-rossii> (дата обращения 16.04.2018).

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта "б" части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н. В. Королева и В. В. Королевой» // Российская газета. 2016. 24 ноября. № 7134 (266).

3. Белоносов В. О. О цели уголовно-исполнительного права // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 4. С. 14–19.

4. Русское уголовное право: лекции Н. С. Таганцева. Издание второе, пересмотренное и дополненное. Часть Общая. Томъ II. Санкт-Петербургъ, 1902. 1530 с.

5. Хохлаков Г. Ф. Наказание в виде лишения свободы: оценка эффективности // Советское государство и право. 1989. № 2. С. 65–73.

6. Полубинская С. В. Цели уголовного наказания / отв. ред. И. И. Карпец. М.: Наука, 1990. 142 с.

7. Усс А. В. Допустимо ли исправлять осужденных? // Человек: преступление и наказание. 1994. № 1–2. С. 29–33.

8. Козаченко И. Я. Понятие уголовного наказания. Самара, 1993.

9. Зубкова В. И. К некоторым вопросам научно-теоретической модели Общей части Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации // Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под науч. ред. д.ю.н., проф. В. И. Селиверстова. М.: Изд. дом «Юриспруденция», 2017. С. 249–250.

10. Президент Российской Федерации Дмитрий Медведев ответил на вопрос о реформе уголовно-исполнительной системы России // Преступность, уголовная политика, уголовный закон: сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Лопашенко / Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2011. С. 627–632.

11. Громов В. Г. Некоторые проблемы реформирования исправительных учреждений // Преступность, уголовная политика, уголовный закон: сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Лопашенко; Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2011. С. 627–632.

12. Распоряжение Правительства РФ № 1772-Р от 14 октября 2010 года // СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

13. Распоряжение Правительства РФ № 1877-Р от 23 сентября 2015 года // СЗ РФ. 2015. № 40. Ст. 5581.

14. Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. М.: Мосполиграф, 1923. 342 с.

15. Городнянская В. В. Постпенитенциарный рецидив: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011. 24 с.

16. Кленова Т. В., Щукина Н. П., Адоевская О. А. О дорожной карте ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 4. С. 41–46.

17. Методика расчета показателя «Доля лиц, ранее осуждавшихся за совершение преступлений, в общем количестве лиц, осужденных на основании обвинительных приговоров, вступивших в законную силу (проценты)», утв. приказом Судебного департамента от 05.06.2014 № 136, представл. в Министерство регионального развития Российской Федерации в соответствии с пунктом 3 раздела II Методики оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 03.11.2012 № 1142 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 21.08.2012 № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» (письмо Судебного департамента от 10.06.2014 № СД-АГ/829).

18. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/> (дата обращения: 14.05.2018).

References

1. Postanovleniie Bol'shoy Palaty Evropeyskogo Suda po delu «Vinter i drugie protiv Soedinennogo Korolevstva» (Vinter and others vs United Kingdom), zhaloby № 66069/09, 130/10 i 3896/10, §§ 111 – 116, ECHR 2013 (izvlecheniya); Postanovleniie Evropeyskogo Suda po delu «Kharakchiev i Tolumov protiv Bolgarii» (Harakchiev and Tolumov v. Bulgaria), zhaloby № 15018/11 i 61199/12, §§ 243–246, ECHR 2014 (izvlecheniya); Postanovleniie Bol'shoy Palaty Evropeyskogo Suda po delu «Dikson protiv

Soedinennogo Korolevstva» (§ 75) [The judgment of the Grand Chamber of the European Court on the case «Vinter and others vs the United Kingdom» (Vinter and others vs the United Kingdom), complaint № 66069/09, 130/10 and 3896/10, §§ 111–116, ECHR 2013 (extract), and in the Judgment of the European Court in the case of «Arakcheev and Talanov against Bulgaria» (Harakchiev and Tolumov vs Bulgaria), complaint № 15018/11 and 61199/12, §§ 243–246, ECHR 2014 (extract), Judgment of the Grand Chamber of the European court of Justice in Dixon vs United Kingdom (§ 75)]; Delo Khoroshenko protiv Rossiiskoi Federatsii», zhaloba № 41418/04ot 30 iyunia 2015 goda [Cited by «Khoroshenko vs the Russian Federation», complaint No. 41418/04ot, June 30, 2015]. Available at: <https://roseurosud.org/r/st-8/postanovlenie-espch-khoroshenko-protiv-rossii> (accessed 16.04.2018) [in Russian].

2. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 15 noyabrya 2016 g. № 24-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti punkta "b" chasti tret'ey stat'i 125 i chasti tret'ey stat'i 127 Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zaprosom Vologodskogo oblastnogo suda i zhaloboy grazhdan N. V. Koroleva i V. V. Korolevoy» [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 15, 2016 № 24-P «With regard to case of check of constitutionality of point "b" of part three of article 125 and part three of article 127 of the Criminal Executive Code of the Russian Federation in connection with the request of the Vologda regional court and the complaint of citizens of N. V. Korolev and V. V. Koroleva». Rossiiskaia gazeta, November 24, 2016. Federal issue № 7134 (266) [in Russian].

3. Belonosov V. O. O tseli ugolovno-ispolnitelnogo prava [About the purpose of penal law]. Vestnik Samarskogo iuridicheskogo instituta [Bulletin of the Samara Law Institute], 2017, no. 4, pp. 14–19 [in Russian].

4. Russkoe ugolovnoe pravo: leksii N. S. Tagantseva. Izdanie vtroe, peresmotr'nnoe i dopolnennoe. Chast' Obshchaia. Tom II [Russian criminal law: lectures by N.S. Tagantsev. Second edition, revised and updated. General Part. Volume II]. SPb., 1902, 1530 p. [in Russian].

5. Khokhryakov G. F. Nakazanie v vide lisheniia svobody: otsenka effektivnosti [Punishment in the form of imprisonment: evaluation of efficiency]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo [Soviet State and Law], 1989, no. 2, pp. 65–73 [in Russian].

6. Polubinskaya S. V. Tseli ugolovnogo nakazaniia. Polubinskaia S. V.; otv. red.: I. I. Karpets [Purpose of criminal punishment. I. I. Karpets (Ed.)]. M.: Nauka, 1990, 142 p. [in Russian].

7. Uss A. V. Dopustimo li ispravliat osuzhdennykh? [Is it permissible to correct prisoners?]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie [Man: Crime and Punishment], 1994, no. 1–2, pp. 29–33 [in Russian].

8. Kozachenko I. Ya. Poniatie ugolovnogo nakazaniia [Concept of criminal punishment]. Samara, 1993 [in Russian].

9. Zubkova V. I. K nekotorym voprosam nauchno-teoreticheskoi modeli Obshchei chasti Ugolovno-ispolnitelnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii [On some issues of scientific and theoretical model of the General part of the Criminal Executive Code of the Russian Federation]. In: Obshchaia chast novogo ugolovno-ispolnitelnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: itogi i obosnovaniia teoreticheskogo modelirovaniia. Pod nauch. red. d.iu.n., professora V. I. Seliverstova [General part of the new Criminal Executive Code of the Russian Federation: results and justification of theoretical modeling. V. I. Seliverstov (Ed.)]. M.: Izd. dom «Iurisprudentsiia», 2017, pp. 249–250 [in Russian].

10. Prezident Rossiiskoi Federatsii Dmitrii Medvedev otvetil na vopros o reforme ugolovno-ispolnitelnoi sistemy Rossii [President of the Russian Federation Dmitry Medvedev answered the question about the reform of the Russian penal system]. Cited by the book: Prestupnost', ugolovnaia politika, ugolovnyi zakon. sbornik nauch. tr. Pod red. N. A. Lopashenko [Crime, criminal policy, criminal law. Collection of scientific works. Lopashenko N. A. (Ed.)]. Saratov Center for the Study of Organized Crime and Corruption. Saratov, Saratov State Law Academy, 2011, pp. 627–632 [in Russian].

11. Gromov V. G. Nekotorye problemy reformirovaniia ispravitelnykh uchrezhdenii [Some problems of reformation of correctional institutions]. In: Prestupnost', ugolovnaia politika, ugolovnyi zakon. sbornik nauch. tr. Pod red. N. A. Lopashenko [Crime, criminal policy, criminal law. Collection of scientific works. Lopashenko N.A. (Ed.)]. Saratov Center for the Study of Organized Crime and Corruption. Saratov: Saratov State Law Academy, 2011, pp. 627–632 [in Russian].

12. Rasporiashenie Pravitelstva RF № 1772-R ot 14 oktiabrya 2010 goda [Order of the Government of the Russian Federation № 1772-R dated October 14, 2010]. SZ RF [Collected Legislation of the Russian Federation], 2010, no. 43, Article 5544 [in Russian].

13. Rasporiashenie Pravitelstva RF № 1877-r ot 23 sentiabrya 2015 goda [Order of the Government of the Russian Federation №1877-r dated September 23, 2015]. SZ RF [Collected Legislation of the Russian Federation], 2015, no. 40, Article 5581 [in Russian].

14. Poznyshev S. V. Osnovy penitentsiarnoi nauki [Fundamentals of penitentiary science]. M.: Mospoligraf, 1923, 342 p. [in Russian].

15. Gorodnyanskaya V. V. Postpenitentsiarnyi retsidiv: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk [Post-penitentiary relapse: author's abstract of Candidate's of Juridical Sciences thesis]. Tomsk, 2011, 24 p. [in Russian].

16. Klenova T. V., Shchukina N. P., Adoevskaya O. A. O dorozhnoi karte resotsializatsii i realnogo vklucheniia v grazhdanskoe obshchestva lits, otbyvshikh ugolovnoe nakazanie i osvobozhdennykh ot nego [About the road map of resocialization and real inclusion into the civil society of persons who have served a criminal sentence and were released from it]. Vestnik Samarskogo

iuridicheskogo instituta [Bulletin of the Samara Law Institute], 2017, no. 4 (26), pp. 41–45 [in Russian].

17. «The proportion of persons previously convicted of crimes in the total number of people convicted on the basis of convictions that entered into legal force (interest)», approved by the Order of the Judicial Department dated 05.06.2014 No. 136 submitted to the Ministry of Regional Development of the Russian Federation in accordance with paragraph 3 of Section II of the Methodology for Assessing the Efficiency of the Executive Bodies of the Subjects of the Russian

Federation, The decision of the Government of the Russian Federation No. 1142 dated 03.11.2012 «On measures to implement the Decree of the President of the Russian Federation dated 21.08.2012 No. 1199 «On the evaluation of effectiveness of the executive authorities of the subjects of the Russian Federation» (letter of the Judicial Department dated 10.06.2014 No. SD-AG / 829) [in Russian].

18. Available at: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/> (accessed May 14, 2018) [in Russian].

V. I. Seliverstov*

CORRECTIONAL DOCTRINE AND ITS IMPACT ON THE STATUS OF AN INDIVIDUAL EXONERATED FROM SERVING THEIR SENTENCES

The article is devoted to the problems of execution of criminal punishment in the form of imprisonment. The article analyzes the correctional doctrine of the Russian state, manifested in the formulation and implementation of the purpose of convicts' reformation, and its impact on the status of an individual exonerated from serving their sentences. On the basis of international standards and national legislation, priority is given to this purpose over other purposes of punishment and penal enforcement legislation. Some elements of the mechanism for achieving the purpose of correction of convicts are considered, as well as various options for recording repetition of crime after serving imprisonment are considered too. A proposal to reconstruct the existing system of statistical accounting of post-penitential repetition of crime in the USSR is made here, its main stages also are named. The conclusion is made about the preservation of socio-political importance of the purpose of correction of convicts at the present stage of development of state and the preservation of its legislative consolidation in the criminal and penal law of Russia.

Key words: convict, criminal punishment, purpose of punishment, imprisonment, repetition of crime, relief from punishment, correction of convicted persons, criminal justice, penal system.

---

* *Seliverstov Vyacheslav Ivanovich* (vis_home@list.ru), Department of Criminal Law and Criminology, Lomonosov Moscow State University, building 13, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119992, Russian Federation.